

В голове у Цзун Ванчуаня словно что-то взорвалось.

Никакой это не «поздний ужин». Она сама решила стать этим самым ужином.

К счастью, хоть вид у него и был растрепанный — рубашка не застегнута, ширинка на брюках и вовсе распахнута, — но, по крайней мере, нельзя было с первого взгляда заявить, что он только что занимался... чем-то непотребным.

— Вам нравятся свежие булочки? — спросила Чжоу Сяоя, не дождавшись ответа.

— Свежие — конечно... Кхм... Невестка, время уже позднее. Оставь тарелку на столе и иди спать.

Ванчуань старательно делал вид, что не замечает странностей в ее поведении. Однако Чжоу Сяоя будто и не слышала его слов. Поставив булочки на стол, она кокетливо крутанулась перед ним, заставив подол юбки взметнуться.

— Господин Цзун, как вам мое платье? Красивое?

— Очень. Только коротковато, — ответил он, не отрывая взгляда от балок под потолком. Ванчуань всерьез опасался, что Сяо Мин затеял очередную каверзу.

Заметив его отстраненность, невестка сделала шаг вперед и бесцеремонно схватила его за руку. Прижав его ладонь к своей груди, она принялась медленно водить ею, томно шепча:

— Господин Цзун, мне кажется, с моим сердцем что-то не так... Слишком сильно бьется. Потрогайте сами, а?

— Если заболела — иди к врачу или выпей таблетку. Не трать здесь время.

Ванчуань попытался высвободить руку, но Чжоу Сяоя вцепилась в нее мертвой хваткой. Она прослезилась.

— Брат Цзун, с тех пор как я увидела тебя, в моих мыслях только ты... Стоит вспомнить о тебе, и сердце готово выпрыгнуть из груди. Умоляю, сжался надо мной...

«Видишь? Маленькая вдова истосковалась по ласке. Дорогой мой, пробуди в себе дух истинного джентльмена и подари ей свои объятия...

Комитет по защите нравственности, что засел в кустах, я уже нейтрализовал. Можешь не переживать: никто не ворвется с топорами и криками, не заставит каяться на коленях и не

отберет все деньги до того, как ты успеешь раздеться».

В ушах снова зазвучал издевательский голос Сяо Мина. Ванчуань едва не задохнулся от ярости, вызванной этой «заботой». Тем временем Чжоу Сяося, видя его непоколебимость, окончательно расплакалась.

— Брат Цзун, неужели ты презираешь меня? Считаешь легкомысленной девкой, раз я сама пришла к тебе в первую же ночь? На самом деле... я... просто ты мне так нравишься... Ни к одному мужчине я не чувствовала ничего подобного, даже к своему покойному мужу...

— Послушай, — Ванчуань наконец нашел в себе силы и резко оттолкнул женщину. — Я не презираю тебя. Но ты сама себя не ценишь.

С этими словами он распахнул дверь:

— Луна сегодня хороша. Прогуляюсь-ка я.

Чжоу Сяося не ожидала такого поворота. Она бросилась за ним, но, едва переступив порог, замерла как вкопанная. Под навесом, словно подкошенные, спали те самые «блюстители морали». Из их открытых ртов доносилось невнятное бормотание: «А девка-то... белая, как свежая булка...»

Женщина бессильно опустилась на землю, вцепившись в дверной косяк. Она не проронила ни звука.

Так, в относительном спокойствии, прошла их первая ночь в деревне Ли.

***

Утро для Ванчуаня выдалось тяжелым. Кое-как закончив водные процедуры, он, пошатываясь от недосыпа, вышел во двор и замер. Сяо Мин, вооружившись баллончиком с краской, увлеченно разрисовывал капот его машины.

— Ты что опять творишь?! — Ванчуань бросился наперерез.

Но «шедевр» был уже завершен. Из-за вмешательства детектива подпись вышла смазанной, но основное послание из десяти иероглифов читалось четко:

«Здесь сплошная тоска, я сваливаю!»

— Ты... ты серьезно? — Ванчуань лишился дара речи.

— Вполне, — Сяо Мин обернулся с самым невозмутимым видом. — Я не намерен больше терпеть это захолустье. В еде ни мяса, ни капли масла, рис такой твердый, что зубы можно сломать, а из колодезной воды после кипячения несет дохлой рыбой. Но самое страшное — здесь нет сети! Ты хоть понимаешь, что это значит?! Сейчас даже в центре Сахары можно поймать сигнал через спутник!

— Согласен, место дыра дырой. Но именно поэтому я и не могу отказаться от работы...

— А ты помнишь, что обещал мне вчера перед отъездом? — в голосе Сяо Мина зазвучал холодный гнев.

Ванчуань понимал, что кругом виноват. Он заговорил тише, стараясь сгладить углы:

— Прости. Я не должен был лгать, заманивая тебя сюда под видом отпуска. Но... ты мне нужен!

Стоило этим словам сорваться с губ, как ярость Сяо Мина мгновенно сменилась обреченным вздохом.

— Ты всегда умел бить по больному, — проворчал он.

— Виноват. Обещаю: как только закончим здесь, поедem на побережье на целую неделю. Что скажешь?

— Целую неделю тусовок! — тут же выставил условия Сяо Мин. — Каждый день вечеринки, соберем всех красавцев и красоток с пляжа, будем пить и танцевать до упаду!

— Договорились. Будет так, как ты скажешь.

Такая легкая победа заставила Сяо Мина нахмуриться.

— Нет, не пойдет. Нельзя так дешево продавать себя... я же все-таки благородный... В общем, стой здесь и не шевелись, я схожу за кофе. Допью — и тогда решу, принимать твое предложение или нет.

— Кофе? Откуда здесь кофе? — Ванчуань недоуменно огляделся.

Стоило ему на секунду отвернуться, как Сяо Мин бесследно исчез.

— Ну и скользкий же тип... — пробормотал детектив. Глядя на дерзкую надпись на капоте и вспоминая нелепый повод «сходить за кофе», он не знал, злиться ему или смеяться. — Ладно, придется справляться самому.

Цзун Ванчуань потер переносицу и решил для начала попытать счастья в заброшенной школе «Надежда».

***

Начальная школа «Надежда» деревни Ли стояла на пустыре неподалеку от въезда — горстка пустых коробок, заросших бурьяном. Ржавые прутья ворот были едва прикрыты, на замусоренном глиняном дворе вперемежку с сорняками висели кучи навоза. Веревку с флагштока давно утащили хозяйственные крестьяне, и теперь шест одиноко торчал посреди этого запустения.

В окнах не осталось целых стекол. Сквозь дыры виднелись щербатые, кривые парты; школьная доска была всего лишь куском стены, выкрашенным в черный. Здесь не было ни знаний, ни мела, ни кафедры. И уж тем более — ни учителей, ни учеников.

Обойдя территорию, Ванчуань почувствовал, как внутри ледяным комом растет страшная догадка. Он закурил, привалившись к низкой глинобитной стене.

Ван Цзин не была из тех наивных девиц, что едут в глушь на порыве мимолетного вдохновения. До деревни Ли она волонтерила в Тибете, в условиях куда более суровых — нищета не могла ее сломить. У других добровольцев за плечами был схожий опыт.

Люди переменчивы, это факт. Но не могли все до единого бросить свое призвание и сбежать из деревни только из-за отсутствия комфорта.

Более того, ни один из этих «беглецов» так и не вернулся домой... Именно поэтому программа «Сельский учитель» с этого года перестала присылать в деревню Ли новых людей.

Тц! Пепел обжег пальцы. Ванчуань очнулся от раздумий.

Он быстро затоптал окурок и покинул мертвую школу. На выходе он заметил толпу, собравшуюся под кривой старой софой у въезда в деревню. До него долетали обрывки возбужденных криков: кто-то ночью повесился прямо у дороги.

Когда Ванчуань подошел, тело уже сняли и положили на землю. Из-под наспех брошенного белого полотна виднелись лишь мертвенно-бледные голени и подол кроваво-красного платья.

— Дядя, что за беда? Чья это дочка так замаялась? — обратился Ванчуань к мужчине, который с сокрушенным видом качал головой над телом, и протянул ему сигарету.

Тот принял угощение, понюхал табак и сплюнул:

— Да кто ж еще... Ли Сяохун из восточной части деревни.

— Ли Сяохун? Что же такое случилось, что девка в красное вырядилась перед смертью? Да еще и в самый глухой час...

Ванчуань помрачнел. Полночь и предрассветные часы — время, когда иньская энергия достигает пика. Красный — цвет самой лютой ярости. Самоубийство в красном на рассвете — верный способ обратиться в свирепого призрака.

Да и место выбрано не случайно. Софора — дерево духов, в самом ее названии сокрыт иероглиф «гуй». Кривой ствол на отшибе — идеальная виселица, притягивающая тени. А въезд в деревню — это порог, граница миров, где веками скапливается вся скверна, не сумевшая проникнуть внутрь.

Ли Сяохун не просто свела счеты с жизнью. Она сотворила проклятие, стремясь забрать с собой всех виновных.

Крестьянин, видимо, тоже понимал суть вещей. Стоило Ванчуаню упомянуть «красное платье» и «рассвет», как тот изменился в лице.

— Девка сама виновата! — злобно выкрикнул он, пряча за грубостью отчетливый страх. — Жадина неблагодарная! Еще и нас вздумала винить!

Он яростно сплюнул на землю:

— Пусть только попробует сунуться! Одной затрецины хватит, чтобы от этой твари мокрого места не осталось!

Но чем громче он орал, тем сильнее дрожали его руки. Ванчуань решил дожать их. Пользуясь тем, что все смотрят на покойницу, он незаметно выудил талисман нежити и щелчком отправил его в сторону тела.

Шу-у-у...

Внезапный ледяной порыв ветра сорвал белое полотно. Лицо Ли Сяохун открылось всем: она затрепетала ресницами, словно она вот-вот собиралась распахнуть глаза и взглянуть на своих мучителей.

Толпа, только что изрыгавшая проклятия, в едином порыве отпрянула.

— Ожила! Мертвяк встает! Спасайся кто может! — в панике завопили люди, бросаясь врассыпную.

<http://bllate.org/book/17576/1712537>